

СЛУЧАЙНАЯ БАБОЧКА

И ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЧАЙКА

Репортаж с двух юбилейных вечеров Олега Ефремова

Именем Олега Ефремова назвали благотворительный фонд. Его имя дали звезде. В его честь планируют на месяц воссоздать в Москве историческое здание «Современника», провести театральный фестиваль под названием «Постъефремовское пространство»...

«Ему б чего-нибудь попроще бы...» — само собой вспоминается из Окуджавы. Не потому, что он был прост. Ему было чуждо выпячивание себя. И вдруг — вокруг Тарковского, Окуджавы, Сахарова не говорится столько слов, сколько вокруг Ефремова. И вдруг — такой ажиотаж с юбилеем. Вряд ли сам Олег Николаевич был бы этому рад.

И целых два вечера памяти — в «Современнике» и во МХАТе им. Чехова. Хотя это и объяснимо биографией Ефремова.

В «Современнике» собирают своих, гордятся семейной атмосферой. Гости общаются в фойе и, увидев нацеленные на них телекамеры, придают чуть больше выразительности жестам. Потом все идет в зал, празднично шумя, находят свои места. Праздничный шум даже кажется уместным — ведь «Современник» отмечает День рождения Ефремова. Не слишком удивляет даже появление Аллы Пугачевой.

Она поет песню «Просто так нужно жить, чтоб неизменно радость и любовь дарить...» и еще песню. И, несмотря на грипп и температуру, прыгает по сцене, заводит публику и глушит зал стадионными децибелами. Конечно, после этого не совсем уместен Анатолий Васильев, который рассказывает такую историю: однажды, едуци в машине, Ефремов увидел, как разрушают здание «Современника», резко затормозил, закрыл лицо руками и на несколько минут перекрыл движение, не в состоянии ехать дальше. Как-то вроде и ни к чему это — подчеркивать, что он был «против, против всяческого разрушения», и тем более неуместно выводить на сцену хор, поющий плач Иеремии, — просто потому, что Пугачева понятнее и проще и номер у нее короче. А тут вдруг поют, а музыки нет, и слова не всегда разберешь, и долго, и напрягаться надо... И зал, в котором «не было случайных людей», свой, семейственный, собравшийся на вечер памяти своего коллеги и учителя, артистов осветил. Кричал: «Хватит!» и хлопал посередине молитвы.

От этого было стыдно. А Михаил Ефремов читал стихотворение Вяземского, написанное для его отца, и пять раз забывал текст. От этого пылали щеки. Лично мои. Зрительские. А вокруг ничего — смеялись.

Больше эксцессов не было. Зато на сцену вылетела бабочка. Живая, настоящая бабочка. И так и летала — до конца вечера. Один раз ее пытались прогнать. Но все протестовали. Шептали: «Это он, это душа!» — и все время на бабочку смотрели.

Юлий Ким вспомнил Давида Самойлова: «Мятлик, бабочка, душа...» и спел пару своих озорных песен.

Михаил Жванецкий говорил о «благородном и деликатном мире русского интеллигента», о том, что Ефремов был «актером в личности и личностью в актере». Белла Ахмадулина, утонченная, изысканная, на ходу изобретающая новые слова, обещала не утомлять длинной речью, но слова не сдержала. И долго (и так верно!) говорила о том, что образ Олега Ефремова не должен быть слащаво упрощен. Алексей Козлов сыграл несколько старых мелодий, простых, ясных и почти не отягощенных импровизациями. Елена Камбурова пела Окуджаву...

Когда на сцену вышел Юрий Любимов, зал почему-то встал, чем весьма смутил мэтра. «Сядьте! Не надо!» — требовал он жестами и показывал на портрет Ефремова. Положил к портрету белые розы. Когда все сели, прочел пастернаковского «Гамлета» и ушел.

Мхатовский вечер дался сложнее. Бесконечная пробка на Тверской и шальная мысль: «Они что, все к Ефремову на юбилей?». Потом — битва с билетерами, отвоеванное место на галерке, и что же? В зале скучают.

Выступили Михаил Швыдкой, Олег Табаков, Марк Захаров, Михаил Ульянов. Анатолий Смелянский прочитал отрывки из «Уходящей природы», книжки, успевшей нехорошо нашуметь. Все выходящие на сцену не говорят — декламируют. Смысл иногда недоступен, потому что слог слишком высок. МХАТ — это музей. Такова его природа. И реформы Ефремова не могли изменить этой природы. Все вокруг как будто подернуто пылью.

Когда выступили все, зал погрузился в темноту, включилась запись голоса Олега Ефремова. Проектор высветил чайку на занавесе, с тяжким скрипом повернулась сцена, начался спектакль «Три сестры», последняя постановка Ефремова. Так уж вышло, что спектакль этот, гимн реализму, оказался в стороне от живой жизни и сам стал частью музея, залом восковых фигур.

Такие разные получились вечера. Такие разные театры. Объединило их одно — упрощение образа. Радует, что для рядового зрителя образ этот уже неизменен. Потому что Олег Ефремов создал его себе сам.